высокую оценку новелл По, относился к ним с определенным критическим оттенком, ставя их значительно ниже рассказов Гофмана. Поэтому говорить о безоговорочном приятии По Достоевским нет оснований. Во-вторых, Достоевский к 1861 г. был уже вполне сложившимся писателем, нашедшим свой путь в литературе. Однако действительно можно указать на «духовное родство» обоих писателей, о котором говорили и русские исследователи [5]. Гроссман выбирает путь более тонкого анализа: она сопоставляет некоторые черты характера Раскольникова и героев рассказов По «Черный кот» и «Сердце-обличитель», переводы которых опубликовал Достоевский. Исследовательница избегает прямолинейных выводов и лишь замечает, что «Достоевский усвоил некоторые элементы от своих предшественников» (с. 48). Однако внешние черты сходства, о которых упоминает Гроссман, кажутся не всегда убедительными: так, она видит мотив «двойного убийства» в «Преступлении и наказании» и в «Черном коте»; сравнивается «Дядюшкин сон» и «Человек, которого изрубили в куски». Разница между Достоевским и По заключается, по мнению Гроссман, в том, что «По не сделал последнего шага, он не видел преимуществ в испорченности человека» (с. 53), — вывод, разумеется, спорный.

Более ценной нам представляется та часть главы, где Гроссман говорит о возможном влиянии По на Тургенева (имеются в виду рассказы «Призраки» (1855—1863) и «Фауст» (1856)). Действительно, сюжетная линия «Фауста» напоминает новеллы «Лигейя» и «Морелла» По. Как справедливо замечает Гроссман, «Тургеневу были вполне доступны и произведения французских авторов с подобным сюжетом» (с. 62), которые, добавим, и могли в данном случае быть связующим звеном с рассказами По. Однако сама проблема влияния По на Тургенева поставлена интересно и, на наш взгляд, заслуживает большого внимания.

Глава IV («Рост известности: 1885—1910 гг.») является центральной в книге, так как именно здесь автор делает попытку найти причину огромной популярности По в России на рубеже веков. Гроссман неоднократно высказывает мысль, что признание По в России, как и повсюду в Европе, было «эхом того огромного энтузиазма», который был вызван статьями Бодлера во Франции. Действительно, влияние «бодлеровской легенды» о По было в России огромным: почти во всех критических статьях того времени мы сталкиваемся с образом «отверженного поэта». Однако, нам кажется, лишь в период первого знакомства с По он воспринимался целиком «через призму» Бодлера. С выходом в свет «Баллад и фантазий По» в переводе Бальмонта (1895) По превращается в фигуру первой величины. Символисты провозглашают По «первым... символистом» [6]. Блестящие переводы Бальмонта сыграли для России не меньшую роль, чем эссе Бодлера: нельзя забывать, что до них в По подчас видели лишь создателя «развлекательного чтива»: его рассказы выпускались в дешевых изданиях — вплоть до «Библиотеки ужаса». После появления бальмонтовских переводов По стал признанным авторитетом в глазах русских читателей. Гроссман считает, что это произошло позже, в «постсимволический период», когда были изданы два собрания сочинений По — в переводах Бальмонта (1911—1912) и Энгельгардта (1914). В целом исследовательница высоко оценивает переводы Бальмонта, считая, что «только в нем... По нашел переводчика, близкого ему по духу и поэта, чуткого к музыке стиха» (с. 89). Анализируя рецензии на «Баллады и фантазии», Гроссман замечает, что Бальмонт (как, по ее мнению, ранее и Бодлер), «значительно выиграл от ассоциации с По в глазах читателей» (с. 72). Именно после издания переводов По, по мнению Гроссман, Бальмонт стал признанным поэтом. Но автор забывает, что в это же время Бальмонт выпускает сборники «Под северным небом» (1894), «В безбрежности» (1895), занимается переводами Шелли, Уитмена, Кальдерона. Следовательно, утверждать, что Бальмонт приобрел свою известность в основном благодаря переводам По, — значит преуменьшать значение собственного творчества Бальмонта.

В конце главы Гроссман делает следующий вывод: «За 25 лет, которые прошли после появления сборников рассказов По в России, его престиж значительно возрос. Совпадая с периодом повышенного внимания к По в Америке и во Франции, слава По в России росла благодаря критическим и литературным работам в этих странах» (с. 98). Однако следует заметить, что «повышенное внимание к По в Америке» в основном приходится на период после первой мировой войны (об этом можно судить по числу изданий По и критической литературы о нем). До этого времени статьи о По либо носили явно морализаторский характер (идущий от «Воспоминаний» Грисуолда), либо являлись сложной реакцией на эссе Бодлера. Нельзя согласиться и с тем, что русская критика «следовала за французской»: например, были встречены в России весьма полемически попытки Арвед Барин [7] и Э. Ловриера отнести По к категории нервнобольных писателей [8]. Начиная с Достоевского, русская критика

[5] *Гроссман Л.* Библиотека Достоевского. Одесса, 1910, с. 115—118.

[6] *Бальмонт К.* Предисловие к «Балладам и фантазиям По». М., 1895, с. IX.

[7] *Barine A.* Poets et nervoses. Essays de litterature patalogique.—«Revue de deux mondes», 1897, 15.XII.

[8] *Красносельский А.* В борьбе с прозой жизни.—«Русское богатство», 1900, № 11, с. 28.